

Встал бы я утречком, умылся, чаю с бубликом напился, кликнул бы нашего фельдфебеля:

- Здорово, Ипатыч. Чай пил?

- Так точно, ваше величество. Какой же русский человек утром чаю не пьет?

- А солдаты пили?

- Никак нет. По раскладке в армейских частях натурального чайного довольствия не полагается.

- Вишь ты, Ипатыч. А они, поди, тоже не венгерцы. Русские не хуже тебя. Отдай чичас через старшего писаря приказ, чтобы каждому солдату утром-вечером чаю полную миску выдавали, хочь залейся. И сахару по четыре куска.

- И по одному хватит, ваше величество. Солдат и вприкуску попьет. А то вся армия в день пуда четыре схряпает - расход-то какой!

- Эх ты, барабан пузатый. Тебе с ротного котла, не то что внакладку, и на варенье с приплодом твоим хватает. А солдатские куски на весах прикидываешь? Сию ж минуту распорядись, чтоб парадный мой золотой портсигар в империалы перелить, на чай-сахар солдатам, поди, на год хватит. Я в случае надобности и из серебряного покурю.

- Как же, ваше величество, возможно! Ежели к вам шах персидский в гости приедет, у него портсигар весь червонного золота, алмаз на алмазе, а у вас простого серебра. Несоответственно выйдет.

- Не бубни, Ипатыч. Фазана, поди, видал: зад у него да хвост весь золотистый, аж солнце перешибает, а что он против русского серого орла может. Ась?

О полдень ко мне адъютант с докладом заявляется. Кого чином повысить, какому полку шефские вензеля за отлично-усердную службу презентовать.

- Ну, это дело не важное. Не горит. Морсу, ваше ско-родие, не угодно ли?

- Покорнейше благодарим.

- А вы стульчик возьмите. Я хочь и царь, однако обращения простого... Хочу я, ваше скородие, распоряжение по всем войскам сделать, чтоб солдат под гребенку до голого места не стригли. Пушай каждый с фантазией себе прически делает, кому что по вкусу.

- Да ведь по уставу, ваше величество, не полагается. Другой себе такой дикий чуб отпустит, что всю линию строя испортит...

- А ты мне уставом глаза не коли. Как захочу, так устав твой и поверну. Завидно тебе, что ли? Сам небось паклю себе взбил, девушкам на погибель... Опять же казаки во какие чубы носят, однако же империи от этого никакого убытка.

- Так то ж кавалерия, ваше величество. Казакам для форсу начес полагается. Для устрашения супротивника...

- А пехота, по-твоему, шиш собачий, что ли? Не перечь, а то прикажу тебя самого под нулевой номер обкарнать, вот тогда, сокол, и поговоришь...

Насупился мой адъютант, морсу не допил, вон вылетел. Ну, что ж... Ужели я, царь, у адъютанта на поводу ходить буду?

Только я его сбыл, в дверь специальный зауряд-военный чиновник вкатывается.

- Эстафета от шведского короля. Хочет он свою племянницу, природную принцессу, к вашему величеству в гости прислать. Как она себя во всей форме в девицах сохранивши, а вы человек холостой, желает король, надо полагать, вас на брак подбить. Ему лестно, да и нам не зазорно... Хочь мы шведов и били, однако ж держава не последняя.

- Пошли, - говорю, - ты шведского короля на легком катере к шведской матери... Ежели мне в голову вступит, на своей, русской, женюсь. Шведки ихние из себя голенастые, разве с нашей пшеничной сравнить!

- Никак, ваше величество, невозможно. Министры вас воспретят. Потому им желательно по ходу политики со Швецией, марьяжный интерес вести...

- Звание, - говорю, - у тебя полуофицерское, а в голове тараканы портянку сосут. Мои министры пушай хоть на венгерских козах женятся, а я патреот. Что ж ты мне политикой козыряешь? Сам-то небось на русской женат?

- Так точно. На Авдотье Кузьминишне. Дамочка из себя очень авантажная.

- Ну вот видишь... А сам ко мне с эстафетой суешься. Разжалую вот тебя в первобытное состояние - и следа от тебя не останется...

- А может, ваше величество, шведскую-то хочь для просмотра пригласить? Чай, не слиняет? Не контракт же с ней заключать с одного маху... А вдруг она из себя антрекот с изюмом? На сливках вскормлена, обхождение специальное, одним словом - принцесса.

- Дадено, видно, тебе в ручку. Да как же я с ней без языка легкий любовный разговор вести буду?

- Переводчика к вам, ваше величество, из генералов приставят.

- Ну вот, братец, сразу и видать, что окромя чернильницы да Авдотьи Кузьминишны ты ни к